

Татьяна
Алюшина

Читайте романы
Татьяны Алюшиной

Крымский роман
Влюбиться в жертву
Любовь со вкусом вишни
Девушка из нежной стали
Далекий мой, единственный
Девочка моя, или Одна кровь на двоих
Две половинки
Девушка с проблемами
Запутанные отношения
Свидание вслепую
Красота по-русски
Девушка-праздник
Дом, где исполняются мечты
Беглая невеста
С молитвой о тебе
Любовь без права на ошибку
Мой слишком близкий друг
Два шага до любви
Двое на краю света
Все лики любви
В огне аргентинского танго
Чудо купальской ночи
Больше, чем страсть
Моя нечаянная радость
Тот, кто назначен судьбой
Неправильная невеста
Утоли мои печали
Счастье любит тишину
Коллекция бывших мужей
Белоснежный роман
Сердце просит счастья
Руки моей не отпускай
Формула моей любви
Будьте моей семьей
Созданы друг для друга
Актриса на главную роль
Озерные страсти
Вальс до востребования
Судьба непринятой пройдет

Татьяна
Алюшина

Девушка
с проблемами

Роман

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А59

Художественное оформление серии *Н. Каштыкиной*
Редактор серии *В. Горюнова*

Ранее роман выходил под названием
«Счастье среднего возраста»

Алюшина, Татьяна Александровна.
А59 Девушка с проблемами / Татьяна Алюшина. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с

ISBN 978-5-04-123059-3

Саша возвращалась домой, когда дорогу ее машине перегородил здоровенный джип, из которого вышли двое вооруженных громил. Случайное ограбление? Ничуть не бывало! Налицо оказались все признаки серьезных неприятностей. К счастью, нашелся и человек, готовый помочь в решении возникших проблем. Вот только кто объявил охоту на Сашу и чего он, собственно, хочет?..

УДК 821.161.1-31
ББК (2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-123059-3

© Алюшина Т., 2021
© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

«О господи!! — ахнула про себя Санька. — О господи!!»

И в восторге, исходящем откуда-то из глубины души, где бы она там ни располагалась, Санька потрясенно прошептала:

— Красотища-то какая!! Нереально!

И почему-то тут же разозлилась на себя — ну наконец хоть что-то увидела вокруг! Сколько она уже пилит по этой дороге — минут сорок? Ну полчаса! И ни черта не замечает, пребывая в своем безысходно-уставшем раздражении.

Да, раздражении на всё!!

На Лильку и этот ее звонок дурацкий, на то, что все-таки дала себя уговорить и поехала на ночь глядя к ней на дачу, заранее зная, что это очередная блажь и дурь, а не действительно сколько бы то ни было серьезная проблема.

Как обычно.

Санька начала себя ругать и злиться с того момента, как, сдавшись, согласилась «вот прямо сейчас» приехать.

По-хорошему ей надо выспаться. Давно. И как раз сегодня такая перспектива замаячила, призывно помахивая ручкой и даже улыбаясь. Санька специально вечер освободила, поняв, что просто больше не может.

Вот не может и всё! И надо хоть раз нормально отоспаться.

Нормально в ее представлении — это часиков десять, причем так, чтобы лечь вечером — не ночью, а именно вечером, до двенадцати! — и спать до утра, желательно позднего.

Ну хотя бы девять часов — тоже счастье!

Санька была соней. И очень это дело уважала, иногда позволяя себе такую роскошь, что, собственно, и собиралась сделать сегодня.

Она уже несколько дней подряд чувствовала накатившую тупую усталость, ловила себя на том, что приходится перечитывать документы по несколько раз, чтобы вникнуть в суть. Аврально разобрав все самые-самые важные дела, она освободила пару дней для отдыха. А точнее, для сна, неторопливых утр и просыпаний, кофе с особым смакованием и не на бегу, возможности полениться, не спеша собраться и выехать на работу не в самые пробки.

И так она на все это удовольствие настроилась — вот прямо сегодня вечером, заранее предвкушала и подумывала, чем бы себя побаловать в заслуженном ленивом отдыхе, что совсем расслабилась.

«Вот же гадство!!» — ругнулась она, увидев на экране звонившего мобильника Лилькин номер и заранее с большой душевной тоской понимая, что он грозит ей испортить так уже хорошо продуманный отдых.

Лилька ныла, стенала, даже слезу пустила — впрочем, без фанатизма, хорошо поставленным актерским голосом, с некой даже долей отстраненности, но проникновенно.

Так было всегда, у Лили в арсенале имелся особый тембр — плаксиво-дребезжащий, бьющий куда-то в подсознание, слышать который долго не рекомендовалось. Строго говоря, вообще не рекомендовалось — ни долго, ни коротко. Как хорошая оперная певица, берущая высокую ноту и удерживающая ее максимально возможное время, Лилька брала свою «ноту», и тут оставалось только два варианта: либо оборвать ее любым доступным способом — выключить телефон, перебить громкими восклицаниями, а при личном контакте выскочить из комнаты, — либо немедленно капитулировать.

Александра смогла выдержать только начало излагаемой просьбы «вот прямо сейчас, немедленно» приехать и поддержать подругу в каком-то очередном труднопереносимом «горе». Ругая себя последними словами за то, что расслабилась и не сообразила вовремя придумать какое-нибудь совещание или важную встречу, она согласилась.

Да уж, Лилечка была еще та штучка!

«Горе» случалось постоянно, степень «горя» укладывалась в довольно большую вилку — от сломанного ногтя до расставания с очередным богатеньким «папиком». Санька каждый раз злилась, тупея от этих «драм», разыгрываемых Лилей, но выслушивала и терпела — все-таки Лилька была ее единственной подругой, если, конечно, их странные отношения можно называть дружбой.

Так что Александра Владимировна, пролетев по МКАД поворот на нужный ей проспект, ведущий к дому и любимой, лелеемой в мечтах кровати, злясь беспредельно и оттого все сильнее давя на педаль газа и все глубже погружаясь в какие-то мрачные размышления, поехала сочувствовать «страдалице».

Санька сделала приемник погромче, попереключала кнопки, перепрыгивая с одной радиостанции на другую в поисках чего-нибудь бодренького — надо же как-то бороться с раздражением; чего уж теперь, раз вляпалась!

«Эх, хорошо страной любимым быть!..» — весело оповестил из приемника звонкий детский голос — из далекой пионерской бодрости, бодрости еще и с песнями.

Нет, ну надо же! Вот спасибо! Как раз в тему, чтоб уж совсем тошно стало!

Страной Александра не была любима.

Причем взаимно.

Вернее, не то чтобы «нелюбовь» — это было просто полное равнодушие, незамечание и неинтерес — со стороны страны, разумеется. Сашка же к отечеству испытывала гораздо более тяжелые чувства — не востребуемые, естественно, но от этого не отсутствовавшие.

А стране ни за каким фигом Александра Владимировна Романова была не нужна, разве что в роли послушной налогоплательщицы, и то когда налоги с нее стали причитаться довольно весомые.

Стране, как выяснилось после перестройки, вообще ни за каким фигом никто не был нужен, разве что одуревшие от жадности и власти мальчонки,

которые с упоением и по-быстрому эту страну разворовывали и насиловали. Остальных она с веселой радостью выплевывала куда подальше: ученых хорошо так, смачно — по всему миру плевок пришелся, вместе с их наукой туда же полетели писатели, художники, спортсмены. Вот новое поколение выплюнуть не удалось — оно беспризорно рассеялось по вокзалам, бомжатникам, детдомам в лучшем случае, зацепившись за то, «что оно выбирает»: дешевое пиво, наркоту и радости жизни в подворотнях. Армию с ментами тоже как-то не удалось по странам рассеять, пришлось здесь, на месте игнорировать, и все остальное под названием «народ» тоже — ну не нефть же это, в конце концов, и даже не лес с газом, чтоб на них внимание обращать!

Раньше, еще несколько лет назад, Саньку иногда одолевали такие муторные мысли — сейчас-то полегче стало, изменилось многое. А когда она вынужденно начала свой бизнес — ой-ой-ой! — так тошно становилось от бесполезности этой обиды и, главное, безликости — на кого обижаться-то? На страну? Да ладно! Сами сляпали, что имеем, все скопом! На неких правителей? На каких? И потом — зачем? Что попусту-то?

Возьми да что-то сделай! Самый прямой и простой путь — возмутись публично и выскажи свое «фи»! На митинг какой сходи, горло подери. Оно, конечно, можно и в партейку вступить с названием типа: «Народу все надоело!» — и шебуршиться активно, выказывая свою гражданскую позицию. Дело абсолютно и безнадежно глупое и пустое, зато душу отвести можно, поорав вволю на улицах, потрясая плакатиком. А что?

Хорошо — поорал часика три, получил за крик денежку и бутерброды — и тебе приятно, и главному «духовнику» «Народу все надоело» полезно перед выборами и камерами.

Саше орать не хотелось. Она работала всю жизнь на страну и ее благосостояние, это только последние годы — на свое, а до этого... по двенадцать часов в день и на передовой — то есть в науке, — и всерьез, без дураков, и много чего сделала, и многое из ее достижений работает до сих пор и используется той же страной, которой, собственно, на нее, Александру Романову, плевать со всех своих высоких точек!

«Да, господи, боже мой! — опомнилась Санька, тряхнув головой. — Да чего это меня понесло? Вспомнила былые времена! Это все из-за Лильки. И из-за того, что поспать снова не удастся».

Стараясь отвлечься, она посмотрела вокруг — и вдруг увидела закат!!

Санька сбросила скорость, съехала на обочину и, выключив мотор, во все глаза, упершись подбородком в сложенные на руле руки, смотрела на закат.

Над дорогой, тянущейся длинной серой полосой, круто поворачивающей вдалеке и от этого, казалось, обрывавшейся неожиданно, упираясь в величественные сосны, простиралось небо — ультрамариновое, невероятное! А на небе царил закат.

Сказочный, нереальный! В красках, которые мог себе позволить только Рерих!

Несколько длинных тонких облаков тянулись в полнеба и уходили за горизонт, ярко, броско расцвеченные только что севшим солнцем. Бордовые, золотистые, оранжевые и пурпурные краски перели-

вались, искрились, играя, балуясь — то вспыхивая, то затухая, — завораживая, обманывая, втягивая в себя!

Санька даже дышать забыла, так была очарована!

Ну вот как можно такое не замечать?!

Даже удивительно, как через раздражение, ничемные мысли-рассуждения, внутреннее ворчание бесконечное смогло пробиться видение, чувствование этакой красоты!

Саша посидела еще чуть-чуть, стараясь запомнить, сохранить ощущения причастности, видения и переживания подлинной красоты.

Краски стали опадать, утихать, ретушироваться, заканчивая представление и уступая сцену сумеркам.

Александра громко вздохнула — надо ехать — и, заведя машину, тронулась с места.

Господи, когда же она сегодня домой-то доберется?

Лилька жила в огромном доме, почти достойном эпитета «усадьба», доставшемся ей от очень-очень-очень богатого дядечки, с которым она состояла в любовных отношениях целых два года. Небывалый подвиг с ее стороны, но при рассмотрении результатов — стоящий того, и к тому же стоивший весьма ощутимую в зеленых американских денюжках сумму.

Она за этим дядечкой, по ее собственным словам, неизменно произносимым с тяжким ностальгическим вздохом, «горя не знала». Впрочем, насколько была осведомлена Санька, горя Лилечка вообще не знала.

Зато очень хорошо знала, как и где брать таких «дядечек» — филигранно отточенное искусство на грани фантастики.

— Важно не как взять, — поучала с ленцой в голосе, присущей светской львице, Саньку опытная Лилька, — важно, как с ним остаться. Я очень благодарная любовница, а большинство девиц из «поисковых» отрядов об этом забывают или не умеют!

Александр все эти объяснения из жизни па-сущихся на беспредельных лугах расейского и не только бизнеса в охоте на богатеньких мужиков светско-тусовочных хищниц были глубоко до лампочки, приблизительно как события, происходящие в космосе, где-то в отдаленной галактике.

Ну, кого, например, волнует, что за триллионы там каких-то парсек светового времени родилась новая звезда или взорвалась старая?

Ну вот и ее нет!

Но это была Лилечкина жизнь, она ею дышала, ее ела, пила, в ней спала, двигалась, пребывала и царила.

А Лиля являлась Санькиной подругой, и до недавнего времени единственной.

Других не было: ни лучше, ни хуже — никаких.

— Ладно! — громко приказала себе Александра, прибавив скорости. — К черту все эти мысли! И откуда берутся? Ты лучше рули поскорее, Александра Владимировна, еще домой возвращаться!

Оставаться у Лили с ночевкой Александра не любила, не поддаваясь на ее уговоры и нытье. Уговаривать Лилька умела и без своей знаменитой непереносимой ноты, делала это с чувством, от души, профессионально, но Александра согла-

шалась крайне редко, когда сама решала про себя, что «ладно».

Сашка не любила этот здоровенный дом с претензией на выставочную крутость. В нем все было чересчур: много пространства, высоченные потолки, масса закоулков, и все это глухо ухало от каждого шага, пугало эхом, темными углами и невероятно нервировало масштабом замысла, как ей казалось, не соответствующего внутреннему исполнению.

Такие объяснения Санька пыталась дать самой себе, ей словно было как-то неловко, оттого что она чувствует себя неуютно в обожаемом Лилькой доме.

Да там и было неуютно!

В какой бы части дома ни находился человек, он неизбежно оказывался спиной или к двери, или к какому-нибудь темному углу. Черт его знает, может, его специально так строили, может, это нечто жутко концептуальное или лихо-дизайнерское, недоступное таким непродвинутым барышням, как она. Но оставаться там Санька терпеть не могла и старалась всегда вернуться домой, в Москву.

«Это я хандрю, — поняла Александра, вырulingая на поселковую улицу, в конце которой и стоял Лилькин домина, — злюсь и хандрю! Потому что отдых обломался, а я так все замечательно уже придумала! Э-эх!»

Так папа говорил — хандрить.

— Что ты хандришь, маленькая? — спрашивал он, усаживая грустную Сашку к себе на колени и прижимая к груди. Его уютная теплая грудь, всегда в белой рубашке с галстуком, жилете и пиджаке, пахла сложной смесью химических препаратов, трубочным табаком и просто папой.

Сашка замирала от восторга. Она обожала своего папу, боготворила все, что связано с ним: его запах, голос, сидение у него на коленках, поглаживание его огромной, теплой и шершавой от реagensов руки по ее худосочной спинке с торчащими лопатками. Только там, внутри его объятий, она чувствовала себя любимой, нужной, защищенной и счастливой.

Она так это все любила, что иногда специально притворялась, что ей грустно и это точно можно назвать «хандрой», только чтобы папа взял ее на коленки и гладил, и прижимал к груди, успокаивая и защищая от всех невзгод.

Охо-хошеньки-хо-хо!

Не надо было сегодня ехать к Лильке! Ох, не надо!

Раз полезли такие раздраженные мысли, да еще воспоминания эти, значит, точно вымоталась до предела и ничего хорошего это не сулит! Вот сто пудов!

Воспоминания о папе — это самое лучшее и теплое, что было в ее жизни, и все они находились под запретом.

Строгим. Наистрожайшим!

По многим причинам, одной из которых числилось предвестие неприятностей. Санька однажды вдруг осознала, что каждый раз, когда она вспоминает так ярко и живо папу, видит его и слышит, сразу после этого следуют неприятности. Наверняка да и, скорее всего, так просто совпало несколько раз, а она по привычке вывела закономерность.

А может, он предупреждал ее?

Все возможно, но лучше экскурсии в прошлое контролировать.

«Ладно! Все! Разворчалась тут! — отчитала она себя мысленно. — Приехали! Давай вон вылазь, твоя станция!»

Она остановила машину сбоку здоровенных массивных ворот в таком же внушительном заборе, огородившем необъятных размеров участок. Хорошо, что хоть охранников нет и бешеных собак с ними. Видимо, у ныне присутствовавшего в бурной Лилькиной жизни «папика» на охранников денег нет, а может, жалко денежек — чего любовницу охранять-то, чай, не жена.

— Да что с тобой?! — не выдержав навалившегося пессимизма, ворчания и непролазной тоски какой-то, вслух возмутилась Санька. — Что ты разнылась-то?

Она вздохнула тяжело, как старушка над своей скудной пенсией и горемычной жизнью. Вздохнула еще раз — идея выспаться сегодня в любом случае накрылась, чего уж теперь вредничать.

Санька торопливо стала выбираться из машины, заметив, что ворота, дрогнув могучим телом потревоженного богатыря, стали медленно открываться. Это Лилька усмотрела ее подъезжающую машину с балкона.

Александра прокричала, одновременно ставя машину на сигнализацию:

— Я заезжать не буду!

— Ты что, не останешься? — отозвалась с балкона Лилька капризным голосом.

Санька всегда поражалась: как это у нее так получается — кричать и ныть одновременно? Профессионал!